

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 49–56. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 49–56. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.2. Всеобщая история

УДК 902(653)

EDN HCIXJR

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-49-56>

ГОТЛАНД В КОНТЕКСТЕ «ВАРЯЖСКОЙ ЛЕГЕНДЫ» ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Виноградов Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, Москва, Россия, alwynor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3041-4103>

Аннотация. Готланд во многих работах рассматривается как важный географический пункт в контексте «варяжской легенды» Повести временных лет. Неясность общей этнической и географической атрибуции варягов при более очевидной привязке соответствующих летописных сюжетов к острову в Балтийском море, сосредоточение на этом острове свидетельств его важной роли в международной торговле эпохи викингов, находки готландских артефактов в Восточной Европе заставляют видеть в Готланде если не родину, то значимый опорный пункт варягов. Однако происхождение самого загадочного этноса, возможно, связано с другими регионами и уходит корнями в историю поздней Римской империи и возникших на ее обломках дунайских государств кочевников. Находки монет, других артефактов, традиции в искусстве и фортификации, данные топонимии показывают, что мигрировавшие на остров группы во многом восприняли культурные символы Римской империи. Этот факт сопоставляется с генетическими и иными данными, показывающими, что мигранты могли отличаться от коренного гутнийского населения острова.

Ключевые слова: Готланд, Балтика, варяги, Гутасага, норманнская теория, варварские королевства, монетное обращение, Великое переселение народов, Римская империя.

Для цитирования: Виноградов А.Е. Готланд в контексте «варяжской легенды» Повести временных лет // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 49–56. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-49-56>

Research Article

GOTLAND IN THE CONTEXT OF THE VARANGE LEGEND OF THE TALE OF BYGONE YEARS

Alexey E. Vinogradov, PhD in history, Moscow, Russia, alwynor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3041-4103>

Abstract. Gotland is considered in many works as an important geographical point in the context of the “Varangian legend” of the Tale of Bygone Years. The obscurity of the general ethnic and geographical attribution of the Varangians, with the more obvious linking of the corresponding chronicle plots to an island in the Baltic Sea, the concentration on this island of evidence of its important role in the international trade of the Viking Age, the finds of Gotlandic artifacts in Eastern Europe make one see in Gotland, if not home, then significant stronghold of the Varangians. However, the origin of the most enigmatic ethnic group, perhaps, is connected with other regions and is rooted in the history of the late Roman Empire and the nomadic states of the Danube that arose on its ruins. Finds of coins, other artifacts, traditions in art and fortification, toponymy data show that the groups that migrated to the island largely adopted the cultural symbols of the Roman Empire. This fact is compared with genetic and other data showing that the migrants could differ from the indigenous Gutnish population of the island.

Keywords: Gotland, Baltic, Vikings, Guta Saga, Norman theory, Barbarian Kingdoms, Monetary Circulation, Great Migration, Roman Empire

For citation: Vinogradov A.E. Gotland in the context of the Varange legend of the Tale of Bygone years. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 1, pp. 49–56. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-49-56>

Остров Готланд занимает особое место в истории раннего Средневековья как крупнейший балтийский перекресток торговых путей Запада и Востока. По количеству восточных монет в кладах – главном маркере международной торговли VIII–X вв. – этот небольшой регион к востоку от Скандинавского побережья уверенно занимает первое место на всем севере и западе Старого света [Tvaari: 224–225]. В свою очередь, предметы готландского происхождения – оружие, украшения, детали костюмов и др. – того же периода занимают видное место среди массы находок соответствующего периода в археологических памятниках Восточной Прибалтики, Северной Польши, северо-западной России [Кулаков 2003: 133–135, 256; Tvaari: 179–180, 197, 233–234, 236].

Уникальность роли балтийского острова в период викингов послужила причиной встраивания его в схемы историко-культурных процессов, связанных с ранней историей Древнерусского государства, особенно в рамках норманнских реконструкций «призвания варягов» [Потин: 69], причем в некоторых работах зарубежных исследователей Готланд рассматривается в качестве главного узла варяжской проблемы [Hancock: 152]. В контексте сообщения новгородских летописей о том, что в 1188 г. «рубоша новгородьце Варязи на Гътъхъ, Немьце въ Хоружьку и въ Новотържьце», при разнице мнений по топонимической проблематике и возможной синонимичности понятий «варяги» и «немцы» ряд исследователей сходятся в том, что «варяги» в данном случае ассоциировались с Готландом [Линд: 203].

Однако та же географическая точка в той или иной степени рассматривается и в рамках более этнически диверсифицированных подходов к этой проблеме [Кулаков 1999: 150; Кулаков 2003: 135–136]. Задача данной статьи состоит в том, чтобы определить справедливость таких реконструкций, аргументации и реальное место балтийского острова в историческом контексте генезиса Древней Руси.

Среди других аргументов, приводимых в дискуссии, особо выделяются локация и время сокрытия упомянутых кладов восточных монет.

Наиболее старые восточные дирхамы в Европе за пределами Руси обнаруживаются именно на Готланде. Мало того, клад из готландского Хаммарса по времени (783 г.) даже чуть опережает древнейший из достоверно известных кладов Восточной Европы из Старой Ладogi (786 г.) [Седых: 3]. Это дает основания считать торговые маршруты острова через Восточную Европу выстроенными достаточно быстро, что тем более привлекает внимание в свете рассматриваемой проблемы.

Достаточно распространено мнение об основании Старой Ладogi выходцами из Готланда [Сквайрс: 39], очевидны параллели для керамических изделий

с острова и Рюрикова городища («трудно удержаться от предположения о существовании прямых контактов между этими регионами» [Горюнова: 244]), и, соответственно, такие особенные связи с островом требуют объяснения уже в рамках норманнской теории. Готланд являлся слишком обособленной от остальной Скандинавии территорией, в отдельные весьма кратковременные периоды, возможно, эта обособленность уменьшалась, что и отразилось в пассаже о принадлежащем к «Свеону» Готланде из рассказа Вульфстана [Матузова: 26] (хотя сам мореплаватель на острове не был и руководствовался, скорее всего, информацией не из первых рук), однако традиционная история на протяжении веков описывает остров как независимый от материковых государств, с особым населением, говорящим на своем языке [Edquist: 42]. Руническая надпись из Уппланда свидетельствует о том, что между островом и материковой Швецией конфликтные отношения продолжались и во второй половине XI в., и, скорее всего, говорить о включении Готланда в шведскую административную систему можно не ранее XII в. [Peel: XVII–XVIII].

Таким образом, при установлении степени связи Готланда с ранней историей Руси необходимо отходить от позднейшего статуса острова как шведского административного и культурного региона и учитывать более раннюю специфику средневековой островной территории. Эту особенность, в частности, постарался отразить В.И. Кулаков в своей гипотезе генезиса варягов в контексте общей «этнической диффузии» населения Балтии в эпоху Великого переселения народов. Готландцы, как и население ряда других балтийских территорий, испытали сильные культурные, а возможно, и этнические импульсы с юга, из дунайских провинций Римской империи, захваченных кочевниками и ставших ареной длительных конфликтов [Кулаков 1999: 148–149; Кулаков 2003: 137, 183]. Итогом стало появление на Балтике видвариев, составленных, по Иордану, «из различных племен», а впоследствии и имевших не только балтские, но также и другие корни пруссов, в свою очередь находившихся в родственных связях с готландцами [Кулаков 2003: 136]. Представители этого пестрого конгломерата и проложили военно-торговый путь на арабский Восток через Восточную Европу, и собственно летописный сюжет сначала с изгнанием, а затем и «призванием» варягов являлся отражением внутреннего конфликта пруссов и их родственников-готландцев из-за контроля над этим путем [Кулаков 2003: 135–136].

По нашему мнению, указанная версия заслуживает внимательного изучения, однако для определения места и роли готландцев в древнерусской истории необходимо установить, что именно представляли собой

жители Готланда периода призвания варягов. Древнейшие источники по истории острова, «Гутасага» и «Закон гутов», этот период отразили крайне смутно. «Гутасага» повествует о первообитателях острова, миграциях с него через Русь (Rysaland), достигших в итоге конечной точки – Византии (Grekland). По ряду признаков: маршруте миграции через Западную Двину (Duna) (в междуречье которой с Днепром первые условно общескандинавские немногочисленные артефакты появляются в IX в. [Самонова: 65]), упоминания Руси – этнохоронима, появляющегося (как Riuskr – от этнонимического прилагательное «русский») в скандинавских рунических надписях лишь в конце X – начале XI в. [Успенский: 202] – при полном отсутствии географических, генеалогических и иных опорных точек, позволивших бы их сопоставить с археологически, нарративно или легендарно прослеживаемыми путями миграции готов и иных германцев, – можно предположить, что ядро саги складывалось сравнительно поздно. Такое предположение соответствует культурологическим воззрениям, согласно которым временной горизонт основных устных преданий коллективной памяти этноса, за исключением разве что обществ с высокоразвитой жреческой корпорацией, как правило, невелик. В основном, если не брать точку отсчета, период мифо-героической эпохи первопредков народа, речь идет о периоде не более 100 лет [Асман: 51–52].

Таким образом, период сложения основного материала «Гутасаги», скорее всего, отстоит недалеко от периода призвания варягов на Русь и сохраняет лишь относительно свежую память о жителях Готланда как скандинавах-гутнийцах. Однако само имя одного из предводителей островитян, в неясные времена заключившего договор со швейским конунгом, Avar, в отличие от его прозвища Strabain, то есть «соломенная нога», наводит на несколько иные аналогии. Чередование монотонга *a* и дифтонга *ai*, характерное для гутнийского языка, позволяет предположить вариант или изначальную форму Avar, нетипичную для скандинавского и вообще германского именослова (где производная от Avar схожая форма Awar встречается лишь в двусложных именах [Förstemann: 190]). Однако этот редкий антропоним, по нашему мнению, может напоминать о негутнийской или даже догутнийской истории острова, поскольку волны миграции туда и культурных импульсов из дунайских регионов включали и аварский след. Археологические данные свидетельствуют о том, что артефакты и, в частности, аварские традиции костюма рубежа VII–VIII веков распространились от Пруссии дальше и вплоть до XI века сохранялись на островах Западной и Центральной Балтики [Кулаков 2003: 137, 183]. По мнению В.И. Кулакова, носителями этих тради-

ций выступали не собственно авары, а подвластные последним германцы (в частности, отряды гепидов и лангобардов были посланы Аварским каганатом для обеспечения поставок янтаря в Мазурское поозерье [Кулаков 2018]). Но это не исключает заимствования вассалами каганата не только традиций, но и именослова.

В этой связи кажется интересным вспомнить полемику о иноэтничном влиянии на население островов центральной Балтики. Находки целых групп артефактов куршского (как и семигальского, эстонского) происхождения X в. на Готланде [Gunnarsson: 36] подтверждают идею, высказывавшуюся, в частности, М. Гимбутене, о том, что на острове проживали группы куршей [Gimbutas: 156]. Мало того, генетические исследования показали у населения острова наличие значительного количества предков, прибывших туда в эпоху викингов из Восточной Прибалтики [Rodrigues-Varela, Moore, Ebenesersdóttir: 34].

Распространение в этом регионе и на юге Скандинавии определенных групп артефактов и типов захоронений, свойственных степным и дунайскому регионам, стимулировало гипотезу о гуннской культурной волне [Hedeager; Görman]. Мало того, Е.А. Томпсон, опираясь на данные об использовании гуннами римских солидов, поступавших им в качестве отступных или выкупа за римских пленных, свидетельство Приска Панийского о распространении власти гуннов на некие острова Северного океана, а также о фактах сосредоточения кладов солидов V в. на островах Готланд, Борнхольм и Эланд, выдвинул гипотезу о существовании в этом островном регионе некоего зависимого от Аттилы государственного образования [Thompson: 75–76, 85]. Однако со времен Томпсона география и датировки нумизматических находок в Балтии существенно поменялись. Наряду с указанной тройкой островов такой же регион сосредоточения кладов римских монет выявлен в районе дельты Вислы [Bitner-Wróblewska: 228] или вообще Западной Пруссии, причем археологи склонны выделять все эти четыре региона, где концентрация указанных находок носит «поразительный характер», в особую группу [Hobbs: 87]. Кроме того, во всяком случае в отношении Готланда, Борнхольма и крайнего юго-востока Балтии, позднеимские, италийско-остготские и византийские монеты в таком же значительном количестве отмечаются и датировкой первой четверти VI в. (а на Готланде и началом VII в.) [Hobbs: 90, 92, 111]. Примечательно, что в тех же регионах распространялись не только указанные монеты, но и их варварские реплики. В частности, среди находок в древней Самбии обнаруживается реплика византийского солида VII в., специалистами характеризуемая как аварское подражание. Эта находка сопоставляется с находками на берегах Бал-

тики пряжек, удила, мечей и других артефактов, характерных для аварской культуры Подунавья того времени [Скворцов].

Таким образом, при сомнительности «гуннского» характера предполагаемого варварского «королевства» на Балтике, сама идея существования квазигосударства, использовавшего для вторичного обращения золотые монеты империи, не лишена оснований. Не случайно идею о «малом королевстве» видевариет, по крайней мере в пределах Самбии и эстуария Вислы, идентичном аналогичным образованиям у различных германских племен, выдвигал В.И. Кулаков [Кулаков 2003: 93–115]. То же для Готланда и Эланды предполагал М.М. Казанский [Казанский: 36]. Однако нельзя не отметить степное (если не гуннское, то по крайней мере аварское) влияние на этих германцев, вместе с тем сочетавшееся с римскими традициями. Последние в балтийских регионах выразились не только в использовании солидов.

Древнейшие форты Экторпа, а возможно, и других укреплений, заложенных в эпоху Великого переселения народов на Эланде и функционировавших до середины VII в., были построены с использованием фортификационных традиций Римской империи, что связывается опять же с распространением в тех местах кладов монет и приходом германских воинов, служивших наемниками в римской армии или гуннских и остготских формированиях [Viberg A., Victor H., Fischer S.: 414; Olofsson J., Josefson E.: 30; Edgren B., Herschend F.: 3, 7, 9, 17]. На Готланде в 2021 г. археологическая экспедиция университета Уппсалы обнаружила редчайшее для Скандинавии захоронение воина-всадника также с деталями вооружения и экипировки римских традиций, сделанное, по остеологическим данным, ближе к VIII в. [Malmberg]. Те же традиции сохранялись и еще позже.

По утверждению В.Я. Петрухина, культовые сюжеты композиций на готландских памятных стелах, датированных 800–1000 гг., передающих сцену триумфального вступления в Вальхаллу павшего героя с кольцом, восходят к римским образцам – изображениям триумфаторов с венками [Петрухин: 354].

В этой связи становится актуальным вопрос, насколько «скандинавскими» были те воинские контингенты, которые несли с собой из римских и постримских регионов на север указанные традиции. Гипотеза о «возвращении со службы» отдельных воинов-наемников (германцев, к которым, как полагает В.И. Кулаков, присоединялись и балты), конечно, опирается на определенные факты, в том числе археологические.

С другой стороны, есть предположения, хотя и основанные на отрывочных археологических и письменных свидетельствах [Казанский: 27], и о возвращении

целых этносов, в частности герулов, вернувшихся на Нижнюю Вислу, Самбию и Готланд, причем после не небольших «воинских стажировок», а столетий миграций в рамках римского и кочевого мира. Идентифицировать такие потоки по следам материальной культуры, с одной стороны, непросто с учетом долго сохранявшихся и на севере, и на юге черт общего, общегерманского «звериного стиля». Однако факт самого зарождения этого стиля в мультикультурном постримском среднем Подунавье, первичное восприятие его странниками Европы – готами – наводит на мысль о том, что он перемещался в том числе в северный регион «вместе с племенами и народами» [Фурасьев: 154, 161]. Кроме того, датировки VI–VII вв. в отношении ряда миграционных потоков, как уже отмечалось, ассоциируются уже не со службой, во всяком случае в Римской империи, а с взаимоотношениями германцев с новыми государственными образованиями на части ее территории (Аварским каганатом), а генетические маркеры указывали на происхождение части древних готландцев от восточно-прибалтийского населения. В частности, около 40 % мужских останков с захоронений VII–X вв. одного из наиболее значимых раннесредневековых центров Готланда в районе Fröjel свидетельствуют о том, что захороненные или их предки имели восточно-прибалтийское/восточноевропейское происхождение [Carlsson]. Что это были за мигранты – другой вопрос, учитывая значительные свидетельства миграций V–VII вв. в саму Восточную Прибалтику (в частности, в историографии Литвы тезис о наличии в указанное время на ее территории иноэтничных групп является общепризнанным фактом [Bliujenė: 148]). А что касается островов, то если речь и шла о миграции одиночек, то зачастую они по генетическим и иным признакам отличались от автохтонов. Многочисленные упоминания в древнем законодательном памятнике острова «Законе гутов» о проживавшем там «негуднийском народе» (*ogutniskt fulk*), который владел там имуществом, включая земельные угодья, имеют разные толкования среди исследователей – в контексте «свеев» или «немцев» [Peel: 13, 22, 24], однако все они не объясняют, почему хорошо знакомые другим гуднийским памятникам этносы пришлось «упаковывать» в столь таинственную законодательную формулировку, а поздние немецкие пришельцы-бюргеры к тому же стали вдруг землевладельцами.

Культурно-топонимические маркеры также свидетельствуют в пользу значительности вклада мигрантов в историю острова. В частности, топоним Roma, то есть Рим, означающий небольшой округ в центре Готланда и долгие годы связывавшийся с основанным здесь в XII в. аббатством Sancta Maria de Gutnalia, возможно, имеет более длительную исто-

рию. Именно в этом месте (в немецкоязычных источниках Rume) собирался готландский тинг – высший орган самоуправления островитян. И именно в его окрестностях находят столь большое количество римских денариев (как и германских, а также восточных монет), что они даже были названы Золотым полем. Все это вместе послужило поводом для предположений о существовании здесь значительного торгового центра (эмпории) [Gustaffson, Östergren]. Отметим, что тема чисто торгового поселения не вписывается в контекст локации Roma вдали от прибрежных гаваней, зато административный центр, куда стекались, в частности, прибыли от международной торговли, здесь был вполне возможен. А что касается временного аспекта, то тинги у древних германцев возникли задолго до христианизации, да и «римский» топоним вписывается в схему маркеров, отмечавших точки миграции из римского Подунавья, скорее всего, германских групп: Ромове в Пруссии, летописный Римов где-то в половецких степях, Рим-гора на Северном Кавказе и др.

Все это, как нам кажется, имеет соответствия в общей схеме событий VIII–X вв. в Восточной Европе, которые ознаменовались не просто прокладкой через нее трансконтинентального торгового маршрута с военным контролем над ним («корпорация Русь», по В.И. Кулакову, трансформировавшаяся затем в государство), но и восстановлением таким образом контактов между разными группами мигрантов из дунайских провинций Рима, обосновавшихся как на Балтике, так и в бассейне Дона – Северского Донца (салтово-маяцкая культура, «Русский каганат» восточных источников) [Виноградов 2020б]. Эти группы, по нашему мнению, использовали в качестве *lingua franca*, а отчасти и в качестве письменного языка вариант латыни [Виноградов 2020а]. Нельзя не отметить в качестве подтверждения этих связей позднейшую находку в одном из вышеотмеченных ранних центров скопления римских монет (Самбии) не просто обычных для торговых связей изделий моды или оружия, но и сельскохозяйственного орудия – серпа салтовского типа [Кулаков 2020]. В качестве же свидетельства своеобразного языкового пространства раннесредневековой Балтии, помимо вышесказанного, нельзя не вспомнить факт, что некоторые из фрагментов сохранившегося древнегунтийского списка «Гутасаги» обнаруживают латинское построение, что и стало причиной гипотезы о латинском источнике, или протографе, всего текста [Peel: 269–270].

Таким образом, по нашему мнению, Готланд в эпохи Великого переселения народов и викингов выступает не просто как важный перекресток торговых путей, но и, возможно, как центр квазигосударства, распространявшего свое влияние понача-

лу и на другие острова центральной и юго-западной Балтии и район между эстуарием Вислы и Самбией. Впоследствии, утратив, видимо, контроль над юго-западными островами, это образование, исходя из археологических данных и легендарных источников, установило тесные связи или даже контроль над отдельными регионами Восточной Прибалтики, его торговые и военные представители проникли и еще дальше, возможно, активно поучаствовав в процессе «призвания варягов». Немаловажным представляется то обстоятельство, что в рамках данной схемы скандинавское участие в этих восточных процессах на раннем этапе предстает ограниченным, в рамках достаточно обособленного от остального северного мира гунтийского этноса, да и тот в этих процессах играл не единственную роль. Лишь впоследствии, так же, как сами гунтийцы, другие этносы, бывшие ядром балтийского квазигосударства и, возможно, бывшие «варягами» русских летописей, были постепенно ассимилированы свеями, а также восточно-прибалтийскими и восточнославянскими народами. В этой связи считаем, что существующие концепции, объясняющие «призвание варягов», в частности в рамках норманнской теории, нуждаются в существенной корректировке.

Список литературы

- Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Виноградов А.Е.* Донские руны и генезис салтово-маяцкой культуры // Вестник Московского городского педагогического университета. 2020а. № 4 (40). С. 8–21.
- Виноградов А.Е.* Культура длинных курганов в свете варяжской проблемы // Вестник МГПУ. Сер.: История. Политология. 2020б. № 1. С. 8–20.
- Горюнова В.М.* Новая западнославянская форма раннегончарной керамики на Рюриковом городище // Археологические вести. 2015. № 21. С. 238–245.
- Казанский М.М.* Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2010. № 4. С. 17–127.
- Кулаков В.И.* Балтийский вариант движения викингов // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 1999. № 5. С. 148–152.
- Кулаков В.И.* История Пруссии до 1283 г. Москва: Индрик, 2003. 432 с.
- Кулаков В.И.* История миграций в юго-восточной Балтии Пруссия – котел культур // Проблемы межрегиональных связей. 2018. № 13. С. 1–14.
- Кулаков В.И.* Находка складного серпа салтовского типа на Самбии // Проблемы истории, филоло-

гии, культуры. 2020. № 2 (68). С. 197–206. <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2020-2-68-197-206>.

Линд Д. Загадочная статья Новгородской первой летописи. Что случилось в 1188 году? // Архив русской истории. 1996. № 4. С. 191–205.

Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Москва: Наука, 1979. 268 с.

Петрухин В.Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Форум: Неолит, 2014. 464 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 1. С.-Петербург: Тип. Эдуарда Праца, 1846. XX, 269 с.

Потин В.М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX–XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. // Труды ЛОИИ. Ленинград, 1970. Вып. 11. С. 64–80.

Самонова М.Н. Белорусские земли на путях «из варяг в греки» и «из варяг в арабы» // Ученые записки УОВГУ им. П.М. Машерова. 2012. Т. 13. С. 60–68.

Седых В.Н. Северо-Запад России и страны Северной Европы в эпоху викингов (по археологическим и нумизматическим данным) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы V ежегодной Междунар. науч. конф. / под ред. В.Н. Барышникова, С.Ю. Трохачева Санкт-Петербург: Русский Христианский гуманитарный институт, 2004. С. 1–18.

Сквайрс Е.Р. Остров Готланд на пути в Северную Русь: встреча письменных культур // Атлантика: Записки по исторической поэтике. Москва: МАКС Пресс, 2015. Вып. 12. С. 38–56.

Скворцов К.Н. Аварская реплика византийского солида на Самбийском полуострове // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2014. Вып. 6. С. 547–558.

Успенский Ф.Б. Византия и Русь в древнескандинавской перспективе (на материале языковых данных) // Славянские языковые и этноязыковые системы в контакте с неславянским окружением / отв. ред. Т.М. Николаева Москва: Языки славянских культур, 2002. С. 185–262.

Фурасьев А.Г. Великое переселение народов в зеркале памятников ювелирного искусства. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 2016. 281 с. URL: https://emirsaba.org/pars_docs/refs/6/5638/5638.pdf (дата обращения: 16.03.2023).

Bitner-Wróblewska A. Between Scania and Samland. From Studies of Stylistic Links in the Baltic Basin during the Early Migration Period. Fornvännen 86. Stockholm, 1991, pp. 225-241.

Bliujenė A. Armed People of East and Southeast Lithuania in the Geocultural Context of the Migration Period. Archaeologia Baltica, vol. 19, pp. 145-165. <https://doi.org/10.15181/ab.v19i0.280>.

Carlsson D. ‘Ridanæs’: A Viking Age Port of Trade at fröjel, Gotland. Routledge. URL: <https://gotlandfieldschool.com/ridanas.pdf> (access date: 27.08.2022).

Edgren B., Herschend F. Eketorp: the fortified Village on the island of Öland. Swedish National Heritage Board Stockholm, Riksantikvarieämbetet, 1997, 21 p.

Edquist S. In the shadow of the Middle Ages? Tendencies in Gotland’s history-writing, 1850–2010. Holmen J., Edquist S. Islands of identity: history-writing and identity formation in five island regions in the Baltic Sea. Stockholm, Södertörn University, 2015, pp. 39-142.

Förstemann E. Altdeutsche Namenbuch. Nordhausen. London, Brussel, Gent, 1856, 1400 s.

Gimbutas M. The Balts. New York, Praeger, 1963, 286 p.

Görman M. Influences from the Huns on Scandinavian Sacrificial Customs during 300–500 AD. The Problem of Ritual: Based on Papers Read at the Symposium on Religious Rites held at Åbo, Finland, on the 13th–16th of August 1991, vol. 15, No. Scripta Instituti Donneriani Aboensis. Åbo, 1993, pp. 275-298.

Gunnarsson D. The distribution of Bronze artefacts of Viking Age Eastern Baltic types discovered on Gotland. Iron Age Networks and Identities Gotland University, Spring, 2013, 96 p.

Gustafsson N.B., Östergren M. Weights and Values in the Gotlandic Heartland. Lund Archaeological Review 23, 2017, pp. 95-105.

Hancock J.F. Spices, Scents and Silk: Catalysts of World Trade. Boston, Oxfordshire CABI, 2021, 338 p.

Hedeager L. Scandinavia and the Huns: An Interdisciplinary Approach to the Migration Era. Norwegian Archaeological Review, 2007, 40 (1), pp. 42-58.

Hobbs R. Late Roman precious metal deposits, c. AD 200–700: changes over time and space. Submitted to the University of London for the degree of PhD Institute of Archaeology, University College. London, 1997, 465 p.

Malmberg Å. Campus Gotland students unearth Iron Age warrior. URL: <https://www.uu.se/en/news/article/?id=17406&typ=artikel> (access date: 27.08.2022).

Olofsson J., Josefson E. Horse Sacrifice at Eketorp Fort, Sweden. Penn Museum, The Frontier of Archaeological – 28, 2007, vol. 49, No. 1, pp. 28-34.

Peel C. Guta Lag and Guta Saga. The Law and History of the Gotlanders. London Routledge, 2015, XXIII, 317 p.

Rodriguez-Varela R., Moore K.H.S., Ebenesersdóttir S.S., etc. The genetic history of Scandinavia from the Roman Iron Age to the present. Cell 186, 2023, January 5, pp. 32-46.

Thompson E.A. A History of Attila and the Huns. Oxford Clarendon Press, 1948, 228 p.

Tvauri A. The Migration Period, Pre-Viking Age, and Viking Age in Estonia. Estonian Archaeology 4 (University of Tartu), 2012, 384 p.

Viberg A., Victor H., Fischer S. etc. The Ringfort by the Sea: Archaeological geophysical Prospection and excavations at Sandby Borg (Öland) (Mainz). Archäologisches Korrespondenzblatt 44, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2014, heft 3, pp. 413-428.

References

- Assman Y.A. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004, 368 p. (In Russ.)
- Vinogradov A.E. *Donskie runy i genezis saltovomayackoj kul'tury* [Don runes and the genesis of the Saltovo-Mayak culture]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University], 2020, № 4 (40), pp. 8-21. (In Russ.)
- Vinogradov A.E. *Kul'tura dlennykh kurganov v svete varyazhskoj problemy* [The culture of long mounds in the light of the Varangian problem]. *Vestnik MGPU. Ser. Istorija. Politologiya* [Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series History. Political science], 2020, № 1, pp. 8-20. (In Russ.)
- Goryunova V.M. *Novaya zapadnoslavyanskaya forma rannegoncharnoj keramiki na Ryurikovom gorodishche* [A new West Slavic form of early pottery at the Rurik settlement]. *Arheologicheskie vesti* [Archaeological news], 2015, № 21, pp. 238-245. (In Russ.)
- Kazanskij M.M. *Skandinavskaya mekhovaya torgovlya i «Vostochnyj put'» v epohu pereseleniya narodov* [Scandinavian fur trade and the “Eastern way” in the era of peoples' migration]. *Stratum plus. Arheologiya i kul'turnaya antropologiya* [Stratum plus. Archeology and Cultural Anthropology], 2010, № 4, pp. 17-127. (In Russ.)
- Kulakov V.I. *Baltijskij variant dvizheniya vikingov* [The Baltic variant of the Viking movement]. *Stratum plus. Arheologiya i kul'turnaya antropologiya* [Stratum plus. Archeology and Cultural Anthropology], 1999, № 5, pp. 148-152. (In Russ.)
- Kulakov V.I. *Istorija Prussii do 1283 g.* [History of Prussia until 1283]. Moscow, Indrik Publ., 2003, 432 p. (In Russ.)
- Kulakov V.I. *Istorija migracij v yugo-vostochnoj Baltii Prussiya – kotel kul'tur* [The history of migrations in the south-eastern Baltic Prussia - a cauldron of cultures]. *Problemy mezhregional'nyh svyazej* [Problems of interregional relations], 2018, № 13, pp. 1-14. (In Russ.)
- Kulakov V.I. *Nahodka skladnogo serpa saltovskogo tipa na Sambii* [Finding a folding sickle of the Saltov type in Sambia]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], 2020, No. 2, pp. 197-206. (In Russ.)
- Lind D. *Zagadochnaya stat'ya Novgorodskoj pervoj letopisi. Chto sluchilos' v 1188 godu?* [Mysterious article of the Novgorod First Chronicle. What happened in 1188?]. *Arhiv russkoj istorii* [Archive of Russian History], 1996, № 4, pp. 191-205. (In Russ.)
- Matuzova V.I. *Anglijskie srednevekovye istochniki IX–XIII vv.* [English medieval sources of the 9th–13th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 268 p. (In Russ.)
- Petruhin V.Ya. *Rus' v IX–X vekah. Ot prizvaniya varyagov do vybora very.* [Rus' in the IX–X centuries. From the calling of the Varangians to the choice of faith]. Moscow, Forum, Neolit Publ., 2014, 464 p. (In Russ.)
- Polnoe sobranie russkih letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Sankt-Petersburg, Tip. Eduarda Praca Publ., 1846, vol. 12, 69 p. (In Russ.)
- Potin V.M. *Russko-skandinavskie svyazi po numizmaticheskim dannym (IX–XII vv.). Istoricheskie svyazi Skandinavii i Rossii IX–XX vv.* [Russian-Scandinavian connections according to numismatic data (IX–XII centuries). Historical ties between Scandinavia and Russia in the 9th–20th centuries]. *Trudy LOII* [Proceedings of the LOII]. Leningrad, 1970, vol. 11, pp. 64–80. (In Russ.)
- Samonova M.N. *Belorusskie zemli na putyah «iz varyag v greki» i «iz varyag v araby»* [Belarusian lands on the ways “from the Varangians to the Greeks” and “from the Varangians to the Arabs”]. *Uchenye zapiski UO VGU im. P.M. Masherova* [Scientific Notes of the UO VGU P.M. Masherova], 2012, vol. 13, pp. 60–68. (In Russ.)
- Sedyh V.N. *Severo-Zapad Rossii i strany Severnoj Evropy v epohu vikingov (po arheologicheskim i numizmaticheskim dannym)* [North-West of Russia and the countries of Northern Europe in the Viking Age (according to archaeological and numismatic data)]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy: materialy V ezhegodnoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [St. Petersburg and the countries of Northern Europe: materials of the V annual Intern. scientific conf], ed. by V.N. Baryshnikova, S.YU. Trohacheva. Saint Petersburg, Russkij Hristianskij Gumanitarnyj Institut Publ., 2004, pp. 1–18. (In Russ.)
- Skvajrs E.R. *Ostrov Gotland na puti v Severnuyu Rus': vstrecha pis'mennykh kul'tur* [Island of Gotland on the way to Northern Rus': a meeting of written cultures]. *Atlantika: Zapiski po istoricheskoy poetike* [Atlantic: Notes on historical poetics]. Moscow, MAKSS Press Publ., 2015, vol. 12, iss. 12, pp. 38–56. (In Russ.)
- Skvorcov K.N. *Avarskaya replika vizantijskogo solida na Sambijskom poluostrove* [Avar replica of a Byzantine solid on the Sambian Peninsula]. *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Materials on archeology and history of the ancient and medieval Black Sea region], 2014, vol. 6, pp. 547–558. (In Russ.)
- Uspenskij F.B. *Vizantiya i Rus' v drevneskandinavskoj perspektive (na materiale yazykovykh dannyh)* [Byzantium and Rus' in the Old Norse Perspective (based on linguistic data)]. *Slavyanskije yazykovye i etnozazykovye sistemy v kontakte s neslavyanskim okruzeniem* [Slavic language and ethno-linguistic systems in contact with non-Slavic environment], ed. by T.M. Nikolaeva. Mos-

cow, *Yazyki slavyanskih kul'tur Publ.*, 2002, pp. 185-262. (In Russ.)

Furas'ev A.G. *Velikoe pereselenie narodov v zerkale pamyatnikov yuvelirnogo iskusstva*. [The Great Migration of Nations in the Mirror of Jewelry Art Monuments]. Saint Petersburg, Gosudarstvennyj Ermitazh Publ., 2016, 281 p. (In Russ.)

Bitner-Wróblewska A. Between Scania and Samland. From Studies of Stylistic Links in the Baltic Basin during the Early Migration Period. *Fornvännen* 86. Stockholm, 1991, pp. 225-241.

Bliujenė A. Armed People of East and Southeast Lithuania in the Geocultural Context of the Migration Period. *Archaeologia Baltica*, vol. 19, pp. 145-165. <https://doi.org/10.15181/ab.v19i0.280>.

Carlsson D. 'Ridanæs': A Viking Age Port of Trade at fröjel, Gotland. Routledge. URL: <https://gotland-fieldschool.com/ridanas.pdf> (access date: 27.08.2022).

Edgren B., Herschend F. Eketorp: the fortified Village on the island of Öland. Swedish National Heritage Board Stockholm, Riksantikvarieämbetet, 1997, 21 p.

Edquist S. In the shadow of the Middle Ages? Tendencies in Gotland's history-writing, 1850–2010. Holmen J., Edquist S. Islands of identity: history-writing and identity formation in five island regions in the Baltic Sea. Stockholm, Södertörn University, 2015, pp. 39-142.

Förstemann E. *Altdeutsche Namenbuch*. Nordhausen. London, Brussel, Gent, 1856, 1400 s.

Gimbutas M. *The Balts*. New York, Praeger, 1963, 286 p.

Görman M. Influences from the Huns on Scandinavian Sacrificial Customs during 300–500 AD. The Problem of Ritual: Based on Papers Read at the Symposium on Religious Rites held at Åbo, Finland, on the 13th–16th of August 1991, vol. 15, No. Scripta Instituti Donneriani Aboensis. Åbo, 1993, pp. 275-298.

Gunnarsson D. The distribution of Bronze artefacts of Viking Age Eastern Baltic types discovered on Gotland. Iron Age Networks and Identities Gotland University, Spring, 2013, 96 p.

Gustaffson N.B., Östergren M. Weights and Values in the Gotlandic Heartland. *Lund Archaeological Review* 23, 2017, pp. 95-105.

Hancock J.F. *Spices, Scents and Silk: Catalysts of World Trade*. Boston, Oxfordshire CABI, 2021, 338 p.

Hedeager L. Scandinavia and the Huns: An Interdisciplinary Approach to the Migration Era. *Norwegian Archaeological Review*, 2007, 40 (1), pp. 42-58.

Hobbs R. Late Roman precious metal deposits, c. AD 200–700: changes over time and space. Submitted to the University of London for the degree of PhD Institute of Archaeology, University College. London, 1997, 465 p.

Malmberg Å. Campus Gotland students unearth Iron Age warrior. URL: <https://www.uu.se/en/news/article/?id=17406&typ=artikel> (access date: 27.08.2022).

Olofsson J., Josefson E. Horse Sacrifice at Eketorp Fort, Sweden. *Penn Museum, The Frontier of Archaeological* – 28, 2007, vol. 49, No. 1, pp. 28-34.

Peel C. Guta Lag and Guta Saga. The Law and History of the Gotlanders. London Routledge, 2015, XXIII, 317 p.

Rodriguez-Varela R., Moore K.H.S., Ebenesersdóttir S.S., etc. The genetic history of Scandinavia from the Roman Iron Age to the present. *Cell* 186, 2023, January 5, pp. 32-46.

Thompson E.A. *A History of Attila and the Huns*. Oxford Clarendon Press, 1948, 228 p.

Tvauri A. The Migration Period, Pre-Viking Age, and Viking Age in Estonia. *Estonian Archaeology* 4 (University of Tartu), 2012, 384 p.

Viberg A., Victor H., Fischer S. etc. The Ringfort by the Sea: Archaeological geophysical Prospection and excavations at Sandby Borg (Öland) (Mainz). *Archäologisches Korrespondenzblatt* 44, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2014, heft 3, pp. 413-428.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 16.03.2023.

The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 09.03.2023; accepted for publication 16.03.2023.